

Люшилин Е.Л., Долгов Л.Н.

E.L. Lushilin , L.N. Dolgov

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ХОДЕ ПРИНЯТИЯ ПРОГРАММЫ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

POLITICAL FIGHT UNDERLYING THE SO-CALLED PROGRAMM OF A ACCELERATED INDUSTRIALIZATION IN THE USSR IN 1920-IES: REGIONAL ASPECTS

Люшилин Евгений Леонидович – аспирант кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 89141849480. E-mail: LushilinEL@mail.ru.

Mr. Evgeny L. Lushilin – PhD Candidate of History, Komsomol-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, Lenin st., 27, 89141849480. E-mail: LushilinEL@mail.ru.

Долгов Лев Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре), г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27, 89141758880. E-mail: history@initkms.ru.

Mr. Lev L. Dolgov – Doctor of History, the Department of History, Komsomol-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), Komsomolsk-on-Amur, Lenin st., 27, 89141758880. E-mail: history@initkms.ru.

Аннотация: В статье аспиранта Е.Л. Люшилина и доктора исторических наук Л.Н. Долгова рассматривается участие региональных элит как самостоятельной политической силы в принятии в конце 1920-х гг. программы форсированной индустриализации СССР. При этом основное внимание автора обращено на местные администрации как субъект политической борьбы, сопровождавшей развертывание промышленной реконструкции страны.

Summary: The article deals with the problem of regional elites being independent political forces in the process of acceptance of the so-called ‘program of accelerated industrialization’ in the USSR. The paper attracts attention to local administrations as one of the stakeholders in the political fight accompanying the process of accelerated industrial development of the young Soviet country.

Ключевые слова: пятилетний план, форсированная индустриализация, экономические проекты, региональные элиты, политическая борьба, партийное собрание, «правые», власть, престиж, политическая иерархия.

Keywords a five-year plan, accelerated industrialization, economic projects, regional elites, political fight, party conference, right-wingers, power, prestige, political hierarchy.

УДК 316.35/356.2

В 1920-е годы народное хозяйство СССР оставалось по-прежнему на доиндустриальной стадии, в то время как в западных странах уже утвердился индустриальный технологический способ труда, а его дальнейшее развитие привело к отставанию СССР по уровню производительных сил и технико-технологическому типу производства в стадильном масштабе [1, 16 – 17].

Поэтому ни один из партийных лидеров (Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев с Л.Б. Каменевым, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин) не отрицал необходимости индустриализации. Это однообразие мнений зафиксировал ещё 14-й съезд партии, утвердив курс на индустриализацию как необходимую предпосылку модернизации экономики СССР. Но ключевой вопрос состоял в темпах и источнике средств для её осуществления, что обусловило оформление к 1928 г. двух концепций промышленного развития страны.

Основным генерирующим постулатом первого подхода была идея, состоявшая в развитии лёгкой промышленности и сопровождавшем её увеличении производства товаров первой необходимости, что должно было в перспективе ликвидировать «ножницы» и тем самым решить проблему товарного дефицита в деревне и, таким образом, заинтересовать крестьянство в реализации сельскохозяйственной продукции. Его сторонниками были Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский («правые»).

Второй вариант, отстаиваемый И.В. Сталиным, декларировал приоритетную цель – форсированное развитие тяжёлой промышленности. Исходя из этого, необходимо было резко увеличить объёмы хлебозаготовок, а вырученную таким образом сельскохозяйственную продукцию направить на снабжение городов как индустриальных конгломератов и на экспорт в целях приобретения техники, необходимой для промышленного строительства [2, 23-24].

Историография рассматривает принятие программы форсированной индустриализации как результат победы И.В. Сталина и поддержавших его представителей высшей власти в борьбе с «правыми». При этом за рамками исследований остается участие в развертывании процесса реконструкции региональных элит как самодостаточной политической силы. Данная работа является попыткой устранить указанный пробел.

Впервые решения о выработке плана реконструкции были оформлены на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 21 – 23.10.27, на котором были приняты «Директивы по составлению пятилетнего плана народного хозяйства». Скорее всего, на данном пленуме председатель Украинского ЦИК Г.И. Петровский заявил о необходимости развития тяжелой индустрии и машиностроения главным образом в пределах Украины [4, 905]. Представители Украины были не одиноки в требованиях преимущественного развития своего региона. Например, представители Урала возражали против перспективного снабжения местной металлургической промышленности углем из Кузнецкого бассейна (Сибирь) [4, 970], по-видимому, рассчитывая на развитие своей угледобычи в рамках Алапаевского месторождения. В результате, со слов председателя ВСНХ СССР В.В. Куйбышева, развернулись «споры между отдельными районами. Нам [высшему руководству страны] приходится часто присутствовать при этом “споре славян между собой”, причем спор достигает часто очень ожесточенных размеров» [4, 849]. В итоге глава ВСНХ «жаловался ... что все намеченные планы в развитии нашей промышленности часто рвутся представителями различных районов и национальных областей» [4, 905]. Поэтому, в целях принятия плана реконструкции, возникла необходимость его выработки совместно с широким спектром региональных лидеров.

Ареной данного обсуждения стал 15-й партсъезд (2 – 19.12.27). На нём глава СНК СССР А.И. Рыков сразу же обозначил, что «недостатком пятилетних планов является отсутствие в них районного разреза и ясной постановки проблемы экономического районирования Союза». В итоге он указал на необходимость обсуждения плана в районном срезе [4, 769]. В дополнение к этому В.В. Куйбышев заявил: «План должен учесть все местные особенности, особенности развития отдельных районов. Поэтому он должен подвергнуться широчайшему обсуждению» [4, 840]. В ходе данного обсуждения на партсъезде обозначились две основные позиции на предмет перспективы индустриального строительства в региональном срезе. В.В. Куйбышев и К.Е. Ворошилов, руководствуясь оборонной целесообразностью, требовали промышленного освоения Сибири и в особенности Урала [4, 850-851, 887-888]. Неудивительно, что их поддержала администрация данного региона [4, 213, 899]. Вынужденные счи-

таться с военными задачами, некоторые представители пограничной Украины в противовес уральскому варианту предложили развивать некоторые отрасли промышленности не только в её пределах, но и в Тамбовской, Воронежской и Курской губерниях, расположенных вблизи от республики [4, 905, 989-990]. При этом упор ими продолжал делаться на приоритетную индустриализацию Украины [4, 133-134]. В целом же главы регионов – Архангельской, Московской, Брянской, Иваново-Вознесенской и Нижегородской губерний, Сибирского и Северо-Кавказского краев, среднеазиатских республик, Ленинградской области, Белоруссии, Башкирской АССР, ЗСФСР, в том числе Азербайджана и Абхазии – настаивали на повышенном внимании к своим субъектам при построении плана [4, 128, 147, 149, 155, 815-819, 826-827, 829-831, 834, 859, 867, 910, 912-917, 930, 956-957, 962-963, 969, 1000-1001, 1003-1005, 1018-1019, 1021-1022, 1027-1028].

Например, ораторы, выступавшие от имени районов с развитой текстильной промышленностью (председатель Московского совнархоза К.К. Стриевский, секретарь Иваново-Вознесенского губкома Н.Н. Колотилов), требовали увеличения текстильного производства [4, 931-932, 1003-1005]. Так как данное увеличение было напрямую связано с поставками хлопка, то становится понятным заключение своеобразного союза между указанными регионами и Средней Азией, специализировавшейся на хлопководстве. Это «содружество» И.А. Зеленский (секретарь Среднеазиатского бюро ЦК партии) назвал «смычкой туркестанского хлопка с текстильными районами» [4, 828]. Председатель ДКИК С.Е. Чуцкаев в своем выступлении указывал на необходимость развертывания переселенческой кампании, которая являлась ключевым моментом для модернизации Дальнего Востока [4, 835-837].

Таким образом, в результате вовлечения широкого ряда провинциальных лидеров в обсуждение плана, 15-й партсъезд стал ареной борьбы между региональными элитами за преимущественное внимание к возглавляемым ими субъектам при построении программы реконструкции.

Однако в гораздо более яркой форме обсуждение пятилетнего плана проходило на 16-й партконференции (23 – 29.04.29). Ко времени её проведения были определены основные объекты реконструкции и, соответственно, расставлены приоритеты индустриализации в региональном срезе. В связи с этим на ней отчетливо проявилось недовольство глав местных администраций, связанное с низкими, по их мнению, объёмами инвестиций в возглавляемые ими регионы. Данное недовольство было высказано в ходе своих выступлений целым рядом представителей регионов: Ленинградской (И.Ф. Кодацкий), Уральской (М.К. Ошвинцев), Центрально-Черноземной (И.М. Варейкис, Ф.П. Грядинский) и Нижегородской (Н.И. Пахомов) областей, Украинской (С.В. Косиор, В.Я. Чубарь, Г.И. Петровский, А. Ломов, К.В. Сухомлин), Белорусской (Н.М. Голодод) и Азербайджанской (Л.И. Мирзоян) ССР, Северо-Кавказского (П.А. Богданов), Нижневолжского (М.И. Хлопьянкин), Северного (С.А. Бергавинов) [5, 41-42, 45, 49-50, 52-53, 55, 58-62, 64-67, 76, 83, 87, 89, 90, 95-97, 108, 112-113, 117] и Дальневосточного краев (1-й секретарь Дальневосточного краевого комитета ВКП(б) И.Н. Перепечко, поддержанный начальником «Главзолото» А.П. Серебровским) [5, 38-40, 68-69]. И.Н. Перепечко в своем выступлении указал на недостаточное внимание пятилетнего плана к развитию окраин и национальных республик. В отношении ДВК он требовал осуществления механизации лесной и золотодобывающей промышленности, обработки рисовых полей (продукция которых предназначалась для экспорта) и принятия краевого проекта переселения в регион 800 000 чел. за пять лет с целью обеспечения трудовыми ресурсами запланированного развертывания экспортных отраслей хозяйства [5, 68-69]. В целом региональные лидеры добивались, чтобы подведомственным им участкам было уделено гораздо больше внимания при распределении квот на промышленное строительство, снабжение трудовыми ресурсами, возведение транспортных коммуникаций и объектов энергоснабжения, техническое оснащение, в том числе сельскохозяйственного производства, расшире-

ние земельных угодий. В ответ на претензии одного из участников прений Г.М. Кржижановский заметил: «Ну, знаете, вам казанских сирот из себя разыгрывать не приходится», на что ему парировали: «Конечно сироты» [5, 128].

При этом многие провинциальные лидеры пытались оспорить реализацию экономических программ в других регионах, предлагая взамен собственные альтернативные проекты. Так, руководители Ленинграда и Украины конфликтовали из-за возможной дислокации производства алюминия [5, 76] (и, следовательно, последующих авиационных заводов). Глава Сибири пытался отстоять строительство «сибирской сверхмагистрали» (видимо, будущий БАМ) для устранения загруженности местного железнодорожного полотна [5, 44], в то время как представители Казахской АССР предлагали ограничиться прокладкой Южносибирской железной дороги, так как она позволяла приступить к форсированной разработке Карагандинского угольного месторождения, располагавшегося на её территории [5, 63]. Для отстаивания местных интересов образовывались целые межрегиональные блоки. Например, лидеры Украины и Центрально-Черноземной области вместе выступили против предложенного В.В. Куйбышевым строительства тракторного завода на Урале, указав на необходимость его размещения на их территории [5, 41, 46-47, 50, 75, 95].

Сам контекст обсуждения хозяйственных программ даёт представление о напряжённом характере распределения экономических проектов. Так, когда Ф.П. Грядинский (председатель исполкома ЦЧО) заявил о том, что в результате строительства Липецкого металлургического завода рядом с ним можно будет разместить тракторный завод, представители Украины начали протестовать в ярко выраженной форме: «Это не годится», «Ты не забирай все себе, ты что-нибудь Украине оставь» [5, 42]. При выходе на трибуну Р.И. Эйхе (партийный руководитель Сибири, модернизации которой была отведена высокая роль) в его адрес раздался комментарий: «Это – кулак!», «Нет, это – промышленная беднота!», «Наши кормильцы» [5, 42-43].

Причина такого поведения была обусловлена спецификой механизма власти. Административный статус конкретного руководителя в системе распределения власти определялся характеристикой подведомственного ему участка, в первую очередь такими атрибутами, как количество подчиненных ему лиц, значимость и эффективность их деятельности. Если перенести это утверждение в сферу провинциального руководства, то оно будет означать, что политический статус глав регионов был напрямую связан с численностью дееспособного населения на подведомственной ему территории (то есть с количеством имевшихся в распоряжении трудовых ресурсов), структурой хозяйственного производства в срезе его значимости для удовлетворения государственных нужд и его эффективностью. В условиях НЭПа стабильно функционировала иерархия региональных постов, в которой высшие места принадлежали администрациям индустриально развитых Московской и Ленинградской губерний и Украины, игравшей ведущую роль в обеспечении страны хлебом и углем. Так, по итогам 15-го партсъезда в состав ЦК ВКП(б) от Украинской ССР были избраны 9 членов и 4 кандидата, от Ленинградской области – соответственно 8 и 7, Московской области – 6 и 4. Остальные регионы суммарно были представлены всего 12 членами ЦК ВКП(б) и 15 кандидатами [подсчитано автором по: 4, 1262-1263, 1383-1400]. Рангом ниже находилось руководство остальных самостоятельных субъектов СССР, далее шли образовывавшие их округа и, в конечном итоге, районы.

Но провозглашение курса на форсированную индустриализацию привело к нарушению данного баланса: в новых условиях основным критерием значимости региона являлся размах его модернизации, то есть степень осуществления его промышленной реконструкции. В целом для СССР, без учета ряда частных случаев, она означала форсированное развитие топливно-энергетического и металлургического комплексов с параллельным расширением сети транспортных коммуникаций как базы для создания машиностроения в целях производства

промышленного оборудования, военной и сельскохозяйственной техники, транспортных средств. В этих условиях принятие сколько-нибудь значимого проекта индустриального развития конкретного района страны вызывало либо опасения других региональных элит о возможной утрате своего влияния, либо сожаления о том, что был упущен шанс его увеличения.

Именно по этой причине распределение экономических проектов по территориям страны вызвало столь напряженное обсуждение: все стремились не упустить шанса поднять свой политический престиж и не допустить успехов в этом своих коллег. Не менее важную роль играла программа коллективизации, имевшая целью выручить гораздо больший объём хлеба, необходимого для снабжения городов и получения средств на приобретение необходимой для реконструкции техники. При её реализации изменение престижа руководства зависело от эффективности хлебозаготовок и уровня обобществления сельскохозяйственного производства.

В этих условиях группировка «правых» была обречена: мало у кого возникло бы желание отстаивать сбалансированный подход к индустриализации и идею экономического воздействия на рынок аграрной продукции, когда делились будущие заводы, фабрики и комбинаты и, соответственно, с точки зрения функционеров, власть. Наоборот, практически все стремились отмежеваться от линии «правых». Не остался в стороне от этого 1-й секретарь Далькрайкома ВКП(б) И.Н. Перепечко [4, 69]. В итоге, по мнению Д.Б. Рязанова, «речь всякого оратора, выходящего на эту [16-й партконференции] трибуну [заканчивалась словами]: «Дайте завод на Урале, а правых к черту!» [...] «Дайте электростанцию, а правых к черту!»» [5, 102].

Это объясняет, почему на предшествующем 16-й конференции объединенном пленуме ЦК и ЦКК (16 – 23.04.29) деятельность Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.П. Томского была квалифицирована как правооппортунистическая [3, 180]. Вскоре после 16-й партконференции они потеряли свои посты.

Таким образом, невозможность принятия пятилетнего плана развития страны без участия в его разработке региональных элит, настойчиво добивавшихся этого, привело к их вовлечению в обсуждение программы реконструкции. Вследствие этого распределение проектов перспективного строительства в рамках разработки плана вызвало жесткую борьбу между местными администрациями, так как его результаты означали для них падение либо увеличение престижа возглавляемых ими регионов и, соответственно, их политического статуса. На этом фоне сбалансированный подход «правых» к индустриализации не мог найти поддержку в среде регионального руководства, что стало одной из причин поражения «правой доктрины» и её носителей и, в итоге, перехода к форсированной индустриализации и сопровождавшей её сплошной коллективизации, то есть к реализации сталинского проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордон, Л.А. Что это было?: Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30 – 40-е годы / Л.А. Гордон, Э.В. Клопов. – М.: Политиздат, 1989.
2. Жуков, Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. / Ю.Н. Жуков. – М.: «Вагриус», 2005. – 512 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898 – 1970. Изд. 8-е, доп. и испр. Т. 4. – М.: Политиздат, 1970.
4. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 2 – 12 декабря 1927 г. Стенографический отчет. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 1416 с.
5. XVI конференция Всесоюзной коммунистической партии (б). 23 – 29 апреля 1929 г. Стенографический отчет. – М.-Л.: Госиздат, 1929. – 336 с.